

ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ ХРИСТИАНСКОЙ ШКОЛЫ И ВОСПИТАНИЯ В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

А. М. БОЛГОВА¹
О. А. ХАРЧЕНКО²

*Белгородский
государственный
университет*

¹) e-mail: bolgova@bsu.edu.ru

²) e-mail:
harchenko@bsu.edu.ru

В работе рассматривается круг идей, отраженных в письменных источниках, об основах христианской школы и воспитания в Ранней Византии. Авторы приходят к выводу о том, что в школьном деле ранневизантийской эпохи сочетались христианские идейные установки, сформированные в ранней патристике, и античная философско-риторическая традиция. Практическая организация школьного дела также восходила к античности.

Ключевые слова: школа, Ранняя Византия, философия, риторика, богословие, христианство, традиция, воспитание, образование.

В первые века христианства в основе образовательной системы еще прочно лежали античные принципы образования¹. И, как и в древности, курс обучения в ранневизантийских школах завершался преподаванием философии, которую византийцы рассматривали как «науку наук», «искусство искусств» и называли знанием. Содержание ее было всеобъемлющим и включало познание мира, человека и божества. Ее они считали вершиной внешней мудрости, душой общего, так называемого свободного образования, высшим объединенным знанием о «подлинно сущем».

Значение философского образования в Византии было довольно велико. В ранневизантийском обществе были широко распространены представления древних греков, которые полагали, что основной целью философского преподавания было обучение принципам поведения человека и определение норм его практической деятельности. Философия считалась искусством, которое обучало надлежащему образу жизни, т.е. правильной, разумной жизни. Изучение философии приводило к достижению высшей цели, а именно приобретению добродетели, того истинного блага, которое, по выражению Сенеки, было «единственным бессмертным, доступным смертным». Так как человек от природы не бывает добродетельным, он должен был этому научиться, занимаясь в школе философа².

Отношение представителей духовенства к философскому образованию было неоднозначным. С одной стороны, они опасались чрезмерного увлечения философией, что могло привести к возникновению ересей. С другой стороны, они признавали значимость философского обучения при подготовке образованных служителей церкви. В целом византийские церковные деятели рассматривали занятия философией как предварительную ступень к изучению богословия. Они считали первую служанкой, вернее – служебным инструментом последнего, которое, по их словам, было венцом и целью всех наук. Так, Евсевий в «Церковной истории» сообщает о том, что Ориген считал необходимым заниматься философией и светскими науками, которые помогут понять Священное Писание³.

Святитель Феофил называл Платона «мудрейшим из эллинов» и находил у него созвучие с христианством⁴; такое же мнение высказывал он относительно греческих трагиков⁵.

^{*} Работа подготовлена при поддержке Программы на проведение НИР в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы (проект П 322 «Человек переходной эпохи: Роздняя античность – Ранняя Византия»).

¹ Самодурова З.Г. Школы и образование // Культура Византии IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 478.

² Сенека. Нравственные письма к Луцилию, ХCVIII.

³ Евсевий Кесарийский. Церковная история. VI. 2,18.

⁴ Святитель Феофил Антиохийский. Послание к Автолику. III, 16.

Святой Иустин Мученик указывал на «согласие» ряда философских и научных (античных) положений с христианскими взглядами⁶. Большинство апологетов даже разъясняют основы веры «по началам философским, вместе с тем удерживают верность откровенной истине»⁷.

В связи с вопросом о вере и знании Климент Александрийский писал: «Мне хорошо известны настойчивые речи невежественных и робких людей, полагающих, что нам надо больше пользоваться теми главнейшими факторами, на которых покоится вера, и проходить мимо всего, лежащего вне ее... Другие полагают, что философия влилась в жизнь из дурного источника и изобретена злым существом во вред человеку» (Строматы, I,1, 10). «Некоторые воображают, – говорит он далее, – что умно делают, когда не хотят изучать естественных наук и не желают иметь дела ни с философией, ни с диалектикой, а только простой и чистой верой удовлетворяться. Это все равно, как если бы они утверждали, что никакого ухода за виноградной лозой не нужно, а достаточно только насадить ее, чтобы иметь с нее гроздь»⁸. «Разумная вера делает человека другом Божиим»⁹.

Вот почему большинство Святых Отцов и Учителей не погнушались получить высшее образование в языческих школах (свт. Василий Великий, свт. Григорий Богослов, свт. Григорий Нисский, свт. Иоанн Златоуст и мн. др.). Так, в трактате «К юношам о том, как с пользой читать языческих писателей» святитель Василий советовал христианским юношам читать и изучать языческую литературу¹⁰. Он, хотя и призывает с осторожностью относиться к чтению классиков, строго отбирать писателей, предназначенных для обучения детей христиан, и толковать их в свете евангельской морали, тем не менее, считает языческую литературу полезной: чтение ее облагораживает душу и учит уважать добро, ибо вся поэзия Гомера, а также труды других представителей «внешней мудрости», указанных им (впрочем, он называет довольно узкий круг писателей), – похвала добродетели и доблести, скрытой в истории. Сам святитель широко пользовался трудами Аристотеля, Плиния и других натуралистов, описывая животный и растительный мир в своем «Шестодневе». При этом он, естественно, остался в тех границах, которые имела античная наука (в частности, следуя Аристотелю, он считал, что мыши, жабы и насекомые могут самозарождаться из тины, IX; а блаженный Августин отказывался верить, что люди могут жить на противоположной стороне Земли). Это не может принудить нас сегодня вернуться к научным представлениям греко-римской эпохи только потому, что их разделяли Отцы Церкви. Но зато они завещали нам сам принцип допустимости включать в богословское осмысление веры данные науки

С превращением христианства в государственную религию отношение к изучению философии начинает меняться. Церковные деятели, хотя и признавали ее значение, смотрели на нее как на пропедевтическую дисциплину, подготавливающую умы к восприятию божественных истин и являющуюся естественным переходом к преподаванию теологии. Казалось бы, оно должно было стать заключительным этапом в школьном курсе. Однако, этого не случилось. В школах ранней Византии указанный предмет отсутствовал. Памятники христианской литературы привлекались в редких случаях и главным образом в конце рассматриваемого периода.

Обязанность обучать молодых людей основам христианского вероучения была возложена на семью и церковь. По мнению представителей духовенства, семья – естественная среда, где должна была формироваться душа ребенка. Иоанн Златоуст советовал родителям проявлять заботу о религиозном воспитании детей, знакомить

⁵ Там же. II, 36.

⁶ Иустин Мученик. Апология I, 20.

⁷ Архиепископ Филарет (Гумилевский). Историческое учение об Отцах Церкви. Т. 1. СПб., 1882. С. 72.

⁸ Климент Александрийский. Строматы. I, 18,1

⁹ Там же.

¹⁰ Василий Великий. Беседа 22 «К юношам о том, как получить пользу от языческих сочинений».

их с догматическими положениями вероисповедания, принципами морали, нормами поведения и библейской историей. Данные житий показывают, что именно старшие члены семьи были наставниками молодежи в делах веры. И Антоний Великий, и Доминика (IV в.), причисленная к лику святых, и Иоанн Молчальник, и Евтихий (VI в.) получили в семье подобающее христианам воспитание. Церковь строго следила за этим и сурово осуждала родителей за пренебрежительное отношение к своим обязанностям.

Однако главную задачу по обучению верующих и закреплению их знаний позже стали выполнять религиозные учреждения. Согласно канонам пято-шестого Трулльского собора (692 г.) катехизическое образование было оставлено за церковью. Этим должны были заниматься или священники, или какое-либо другое духовное лицо. Под их руководством молодые люди совершенствовали свое знание Писания и церковных догматов. Правда, объяснять их обязаны были и преподаватели грамматики. Но, будучи в большинстве своем язычниками, особенно в начале рассматриваемого периода, они, как правило, не уделяли внимания данным проблемам.

Религиозным воспитанием верующих должны были заниматься и монастыри. Однако монастырских школ в Византии было сравнительно мало, и в них принимали только тех, кто собирался вступить в ряды клира. Правда, Василий Великий разрешил обучать, в монастырях всех, даже тех, кто не намеревался связать свою судьбу с церковной деятельностью. Однако Халкидонский собор (451 г.) запретил эту практику. Отныне монастырские школы имели право посещать только будущие монахи.

Образование, получаемое в монастырях, было чисто религиозным. Воспитанников обучали основным догматам христианского вероучения, правилам морали и нормам поведения. Если в монастырь приходили не умеющие ни читать, ни писать, то им в помощь давали образованного монаха, с его слов они заучивали наизусть псалмы и послания. Их старались сделать искренне верующими, фанатично преданными церкви людьми. Это было скорее духовно-аскетическое, нежели интеллектуальное воспитание. Родители не соглашались отдавать своих детей в подобные школы, если они не предназначали их к церковной карьере. Чаще всего они направляли их в светские учебные заведения.

Курс обучения в них был рассчитан на воспитание и подготовку духовно зрелого человека, способного овладеть всеми сокровищами всеобъемлющего и цельного знания, выработанного предшествующими поколениями. Однако на практике законченное образование в ранней Византии получали единицы, главным образом, руководители философских школ Афин, Александрии, Константинополя, Сирии и их ученики. Такими обширными познаниями, приобретенными в процессе обучения у грамматика, ритора и философа, обладали Фемистий, Стефан Александрийский, профессора высших учебных учреждений Афин (Плутарх, Сириан, Прокл, Симпликий, Марин, Исидор, Дамаский и др.) – Александрии (Феон Александрийский, Ипатия, Синесий Киренский, Иерокл, Олимпиодор Старший, Гермий, Аммоний, Олимпиодор Младший, Иоанн Филопон), Сирии (Ямвлих, Эдесий, Сопатр, Максим, Хрисанфий). Блестящее образование получили виднейшие деятели церкви: Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, прошедшие подготовку в лучших грамматических, риторских и философских школах Малой Азии, Константинополя, Александрии, Афин.

Что касается процесса воспитания в высших учебных заведениях⁴¹, то он определялся двойственной природой знания, как главной цели школы. Воспитание в Александрийской школе занимало очень важное, можно сказать, доминирующее положение, но оно существовало не в виде отдельной дисциплинарной системы, а было неразрывно связано с образованием. Такова же была, как сказано выше, и философская традиция. Когда Климент Александрийский говорит об отношении воспитания к образованию, в его словах не трудно увидеть некоторый отзвук учения Сократа о доб-

⁴¹ Дьяконов А.П. Типы высшей богословской школы в древней церкви III-VI вв. СПб., 1913. С. 5.

родетели – знания. Различая в «истине» две стороны: «теоретическую» и «практическую», он говорит, что практическая «вытекает из теоретической», и что «тому, кто основательно изучил круг наук, относящихся к гносису, можно оставаться спокойным за остальное, сообразуя свои дела с учением». Тем не менее, александрийская педагогика могла считать себя свободной от упрека в одностороннем интеллектуализме, во-первых, потому, что в основу самого «гносиса» она полагала живое начало «веры», без которой истинное знание невозможно, во-вторых, потому, что преуспеяние в «гносисе» она обуславливала параллельным преуспеянием в делах.

Этими принципами определялись два средства воспитательного воздействия в Александрийской школе. Первым средством были сами уроки учителя, которые должны были носить характер вдохновенной проповеди. Вторым средством был личный пример учителя, который в силу двойственной природы гносиса должен был учить не только словом, но и делом. Таков был, по словам св. Григория, Ориген, который, уча мудрости, в то же время в собственной личности представлял образец мудрого, влиял на учеников одновременно «делами и словами». В результате этого двойственного воздействия между учеником и учителем устанавливалась теснейшая связь, которую св. Григорий характеризует словами Писания: «и соединилась душа Ионафана с Давидом» (1 Царств, 18).

По-другому строилась воспитательная система в Эдесско-Низибийской сирийской школе¹². Основная особенность ее заключалась в том, что она имела вид отдельной от образования системы с особыми органами, особыми правилами поведения и наказаниями. Воспитателями были «начальник дома» и его помощники – «начальники келлий»; однако они должны были сообразоваться с указаниями «раббана» и совета старших братьев. Правила поведения подробно изложены были в уставе школы, который раз в год торжественно читался перед всем собранием, чтобы добронравных ободрить, а «ленивых и негодных» исправить. Для последних правила казались настолько обременительны, что они однажды похитили в спрятали устав, и большого труда стоило его разыскать.

Основная тенденция правил – строгая церковность воспитания. Хотя школа и не была монастырем, но ученики должны были вести образ жизни близкий к монашескому: они обязаны неукоснительно посещать все богослужения и уроки, не должны выходить из школы без разрешения «начальника дома», должны иметь общий с братией стол и слушаться своих «начальников келлий». И по наружности они должны приближаться к лицам духовным: им запрещается брить бороду и носить завитые локоны, предписывается носить скромную, «чуждую суетности» одежду. Особенно озабочены правила ограждением учеников от влияния внешнего мира, от тех соблазнов, какие представляла жизнь в большом городе: запрещается, например, посещение без особого разрешения праздничных и поминальных обедов, хождение по тавернам, прогулки в садах и рощах, долгие разговоры с женщинами и т.п. Тяготение к внешнему миру не всегда вызывалось дурными наклонностями, но еще крайней бедностью учеников. Правила предусматривают такие случаи, что ученики просят милостыню у дверей богатых домов от имени школы; другие промышляют в городе уроками. То и другое правилами строго запрещается; только старым и немощным разрешается иметь два-три урока с мальчиками. Чтобы добыть сумму, необходимую для взноса на содержание, ученику предоставлялось использовать время каникул, которое продолжалось с начала августа до конца октября. В это время ученики отправлялись на заработки, причем им разрешалось заниматься торговлей и приличным ремеслом, с условием строгой корректности в сделках и поведении.

Другая часть правил касается отношения учеников между собой: здесь предметом взыскания являются ссоры и даже драки между учениками, похищение и присвоение книг и т.п., а также ростовщичество; интересно, что устав разрешает давать деньги в рост, но ограничивает прибыль одним процентом в год.

¹² Пигулевская Н.С. Сирийская средневековая школа // Палестинский сборник. 1966. № 15 (78). С. 130-140.

Система наказаний отличалась большой строгостью и простотой. Самым обычным наказанием было исключение из школы с изгнанием из города и без права на обратный прием; гораздо реже применялся денежный штраф, иногда соединявшийся с исключением из школы. Более легким наказанием был выговор (до трех раз) перед собранием всей братии, однако настолько серьезный, что правила обозначают его термином, близким по значению к слову «пытать».

Так, в соответствии с тем, как менялась система образования в Византии (постепенная ее христианизация)⁴³, менялась и система воспитания. Однако всегда эта система несла вечные, незыблемые нравственные ценности, воспитывая добродетель.

IDEAS` BASIS OF CHRISTIAN SCHOOL AND EDUCATION IN EARLY BYZANTINE TRADITION

A. M. BOLGOVA¹⁾
O. A. KHARCHENKO²⁾

Belgorod State University

¹⁾*e-mail:*
bolgova@bsu.edu.ru

²⁾*e-mail:*
harchenko@bsu.edu.ru

The article deals with a range of ideas, reflected in written sources, about fundamentals of school and education in Early Byzantium. The authors come to the conclusion that Early Byzantium school combined Christian ideas, formed in early patristics, and ancient philosophic-rhetoric tradition. Practical organization of school education also dates back to Antiquity.

Key words: school, Early Byzantium, philosophy, rhetoric, theology, Christianity, tradition, up-bringing, education.

---

⁴³ Buckler G. Byzantine Education // Byzantium. An Introduction to East Roman Civilization. Oxford, 1948. P. 200-220.